

Геополитическая концепция евразийства

Движение евразийства, оформившееся в 20-х годах в кругах русской эмиграции, принадлежит к числу наиболее самобытных и интересных течений русской общественно-политической и философской мысли. Организаторами и интеллектуальными вождями этого движения были известный филолог Н. Трубецкой, юристы и правоведы В. Ильин и Н. Алексеев, философы Л. Карсавин, Н. Лосский, Б. Вышеславцев, богословы Г. Флоровский, В. Зенковский, Г. Федотов, географ Г. Вернадский, экономист П. Савицкий, историк М. Шахматов и другие.

Главная суть евразийской идеи сводилась к тому, что Россия-Евразия — это особый социокультурный мир. В силу своего географического положения Россия, лежащая на границе двух миров — восточного и западного, — исторически и геополитически выполняет роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала. «Евразия — особый географический и культурный мир. Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого его субъекта как симфонической личности»¹.

Этот культурный полифонизм и культурный синтез коренятся прежде всего в том, что Россия исторически находится на столкновении и пересечении двух колониационных волн, идущих одна на Восток, другая на Запад. «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы, а русские. Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их как наиболее близких нам по духу. Но мы решительно отвергаем существо западничества, т. е. отрицание самобытности и самого существования нашей культуры»².

Понять и осознать собственную самобытность перед лицом других культур и народов — в этом, по мнению евразийцев, и была главная задача русского исторического самопознания. В анализе культурно-исторических основ русской государственности евразийцы отнюдь не смещали акценты в сторону Востока, а именно синтезировали эти два равноопределяющих начала русской жизни, коренящиеся уже в самом географическом положении России, лежащей в центре евразийского материка. Наиболее полно эта географическая и геополитическая доктрина евразийства нашла свое отражение в работах П. Савицкого «Географические особенности России» (1927, б. м.) и «Россия — Особый Географический мир» (Париж, 1927).

Уже самым своим географическим положением Россия исторически призвана уравновешивать эти два мира, эти два исторических антагониста — Восток и Запад, органично совмещая в себе оба начала. Этим и определяется, по мнению евразийцев, ее самобытность, социокультурная «особость».

В пространственном плане эта геополитическая модель на редкость устойчива,

так как ее целостность коренится в срединном центроевразийском месторасположении. Исходная географическая целостность евразийского «месторазвития» (как обосновал ее Л. Гумилев³) обеспечивается ее географической спецификой: все реки текут в меридиональном направлении, тогда как непрерывная полоса степей пронизывает и пересекает ее с запада на восток, определяя историко-культурную целостность исторически складывавшегося здесь типа культуры (скифско-сибирский «степной» стиль).

Представление о России-Евразии как о самодостаточном и самовоссоздающемся этносе и особом типе культуры, замкнутой в себе, но и одновременно перманентно разворачивающейся вовне, стало отправным пунктом евразийской программы. Соответственным образом решалось и культурное поле этой исходной геополитической модели. В пространственном плане географические и политические границы Евразии совпали с историческими границами Российской империи. Исторически сложившееся территориальное единство Российской империи обладало, по мнению евразийцев, естественностью и устойчивостью своих границ, так как государство, возникшее в самом центре материкового водного бассейна, стало естественным объединителем евразийского материкового пространства. Вот почему большинство евразийцев признали преобразования, осуществляемые в СССР в 30-х годах, сочтя собранное вновь — пусть даже и под эгидой «коммунистической империи» — территориальное единство России как огромного материкового суперэтноса за победу «евразийской идеи».

Концепция русской исторической и государственной самобытности заключалась, по их мнению, в том, что это был третий путь — не сугубо восточный и не чисто западный. Русские не есть чистые славяне; в этом огромном континентальном субэтносе мощнейшим образом представлен туранский элемент. Он врос в русскую государственность, органически став частицей русского этнопсихического-го сознания. Поэтому недооценка или игнорирование одного из этих уравновешивающих начал евразийского географического и историко-культурного пространства, насильственный перекоп одного из начал, в частности западнического, ведет к искусственной самоизоляции России. 17-й же год стал, с их точки зрения, осуществлением сугубо западнической ориентации. Неумение осознать — понять и увидеть — свой самобытный путь обернулось величайшим бедствием для России. Н. Трубецкой неоднократно писал, что, защищая и поддерживая европейские коммунистические партии, большевистские правители втягивают Россию в ненужные ей конфликты.

По мнению евразийцев, космополитические большевистские диктаторы не только расчленили исконно евразийское территориальное целое России; воинствующий атеизм западнического прагматического мышления варварски разрушал духовные основы русской бытовой, социальной и государственной жизни. Азия близка России напряженностью своего религиозного чувства, считали Трубецкой, Савицкий и другие евразийцы, подчеркивая духовно-мистическую, этическую близость России к Востоку. Запад же породил социальные институты, секуляризовавшие духовную и религиозную жизнь от светской. В этом плане тотальная «атеизация» общества, осуществляемая большевиками, воспринималась как внедрение чисто западнического безбожия и секуляризма.

Географический детерминизм, таким образом, смыкался в евразийстве с напряженным историософским пафосом. Революция, по мысли евразийцев, — это логическое в своей законченности осуществление чисто западнической ориентации, исторически завершившийся перекоп в сторону западнической социокультурной модели, а отнюдь не проступивший вдруг сквозь «прекрасную идею свободы» «азиатский лик» России, как это нередко утверждали.

Революция, разрушившая территориальную целостность Российской империи, была, по мнению евразийцев, конечным следствием раскола нации, вызванного

западническими реформами Петра. Флоровский писал в 1922 году, что русская революция была судом над послепетровской Россией. Ни одному из иностранных завоевателей, считал Сувчинский, не удалось до такой степени разрушить основы национальной культуры и сформировавшийся веками уклад жизни, как это сделал Петр. Если до Петра в русском обществе существовали определенная однородность и известная интеграция всех социальных слоев, объединенных общим типом православной духовной культуры, то петровские реформы привели к колоссальному социальному и социокультурному расслоению русского общества.

Подчеркнуто западническая культурная ориентация высших слоев общества и сохранение допетровских культурных ориентиров и ценностных критериев исконно русской национальной жизни в среде простого народа и купечества фактически раскололи русское общество на два чуждых друг другу общественных лагеря. Немалую роль в поддержке народом большевиков сыграло их стремление освободиться от чуждого им помещичьего культурного слоя. Большевицкая революция сверху только потому и смогла победить, что подпитывалась стихийным протестом снизу — спонтанным педознательным протестом против результатов петровского дела. По мнению евразийцев, революция была прямым следствием насильственной европеизации России. Пророчество «Петербургу быть пусту» было неизбежным возмездием исторического процесса. Призрачный Петербург, европейский форпост России, город-мираж, выстроенный на зыбучих песках и болотах, так и остался вдали от корневого тела России, от ее сердца — Москвы.

Одновременно это народное восстание против петровского «брадобрития», против петровской европеизации основ русского быта парадоксальным образом соединилось с продолжением петровского замысла. Большевизм поставил своей целью превратить Россию в передовое индустриальное государство, т. е. завершить окончательную европеизацию России. Он скрепил распадающуюся империю связующей цепью, противопоставив центростремительным силам растущего национального самосознания народов Российской империи «классовую солидарность» разных национальностей.

Но парадоксы истории, по мнению евразийцев, таковы, что исход революции следует рассматривать как компромисс между властью большевиков и народом. Из двух сил, совершивших революцию, одна — народ — навязала свою волю другой — большевикам, — воспользовавшись ими, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своего государства. Однако провозглашенный большевиками новый носитель российского геополитического единства — пролетариат — не может на длительное время обеспечить единство страны. Пролетариат как гарант большого геополитического единства — фигура мифическая, утверждал, в частности, Трубецкой. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих сильнее их классовой солидарности, классовый подход сам по себе в конечном итоге подрывал геополитическое единство России, так как разжигал классовую ненависть, а значит, объективно вел к незатухающей и перманентной гражданской войне.

Если Россия захочет остаться единым государством, она должна найти нового идеолога и носителя этого единства. Будущее государственное устройство России — стержневая концепция евразийской геополитической программы. Эта модель государственного устройства исходит из осознания неделимости России-Евразии, из обоснования геополитического, государственного и суперэтнического единства России. Евразийство ставило во главу угла территориальное и геополитическое жизненное пространство России-Евразии, общее для многих ее народов. Апеллировавшая к национальным чувствам геополитическая концепция евразийства преодолевала абстрактную схему «классового» идеала и вместе с тем стремилась к преодолению национального сепаратизма через строительство наднационального евразийского государства.

Для того чтобы национализм данной этнической группы не выродился в чистый сепаратизм, писал Трубецкой⁴, он должен сочетаться с утверждением

⁴ Трубецкой Н. Общевразийский национализм. «Евразийская хроника». Вып. 9. Париж, 1927, с 28.

суперобщности, в которую он входит как субкультура. Чтобы культура народа, воспринимающего чужую культуру, сохраняла собственную автономность и самобытность,— а это необходимо, если говорить о культуре в аспекте ее вклада в мировую цивилизацию,— она не должна быть смесью культур, что происходит при механическом заимствовании. Во избежание этого всякая культура должна руководствоваться стремлением к самопознанию: «Только истинное самопознание укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире. Только вполне самобытная национальная культура есть подлинная, и только она отвечает этическим, эстетическим и утилитарным требованиям, которые ставятся любой культуре. Стремление к общечеловеческой культуре с этой точки зрения оказывается несостоятельным: при пестром многообразии национальных характеров и психологических типов такая «общечеловеческая культура» свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, выработанные из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи»,— писал Грубецкой⁵.

Евразийская концепция культуры ставила перед собой задачу выявить соотношение «народности» и «территории», наличие сложных групповых, этнических и национальных противоречий и взаимодействий, степень вовлеченности каждой такой культуры в оборот взаимодействия центростремительных и культуурообразующих сил. При этом культурная самобытность и аутентичность культуры Евразии мыслилась ими как взаимодействие различных уровней.

Уже в концепции географического детерминизма, обосновывающего идею России-Евразии, взаимодействию различных культурных комплексов отдавалась генерирующая роль. Особенности евразийской культуры осмысливаются ее идеологами как черты материковой, континентальной культуры в противовес океанической, атлантической культуре Европы, Америки и британско-атлантической модели. Теоретики евразийства тонко ощущали обусловленность культурных моделей конкретными географическими особенностями.

Согласно их концепции, географическая ориентированность евразийской культуры — континентальная, материковая, «степная»; те или иные культурные символы несут на себе явный отпечаток ощущения континента в противовес европейскому ощущению моря⁶. Ограниченное с севера тундрой, а с юга труднодоступной горной полосой территориальное пространство Евразии мало соприкасалось с Мировым океаном, и для нее исключалось активное участие в океаническом региональном хозяйстве, что характерно для Европы, в особенности для «царицы морей» — Британии.

Вследствие этой своей пространственной материковой очерченности евразийская культурная модель формировалась, ориентируясь лишь на собственные внутриконтинентальные экономические и хозяйственные зоны. Такое внутрорегиональное разделение, осознающее идею собственного экономического самодовления, подталкивало евразийскую культуру к необходимости тесного взаимодействия субкультур различных порядков. Евразийской культуре всегда приходилось «искать в разных направлениях, тратить свои силы над согласованием элементов двух разнородных культур, выискивать подходящие друг к другу элементы из груды ценностей других культур»,— писал Вернадский⁷.

Определенная культурная диффузия предполагала наличие пограничных зон со смешанной культурой. Культурное единство Евразии, проявляющееся в ее географической и этнографической территориально-континентальной целостности (огромные субэтнические группы ариев и тюрков), позволяет ограничить и выделить особый этнический тип, сближающийся на своей периферии с азиатским и европейским типами, но являющийся как бы промежуточным между ними.

В выделении особенностей этнического и культурогенного евразийского типа, отличного от славянского и тюркского, евразийство принципиально расходилось со славянофильством, хотя и соотносило себя со славянофильской традицией в осознании собственной социокультурной самобытности в противовес прямолинейно западной ориентации. Особое место России в регионе славянских культур подчеркивалось указанием на то обстоятельство, что единственным звеном, связывающим славянскую и русскую культуры, является, по сути, лишь язык. Другие особенности призрачны, включая и такой мощный культурогенный фактор, как религия. В общеславянском мире Россия оказалась едва ли не единственной хранительницей православия по восточному, греческому, образцу. Собственно говоря, и панславизм был создан поборниками российской великодержавности для вящей параллели пангерманизму. С точки зрения осознания собственной культурной аутентичности славянофильство было еще только начальным подступом к историософскому решению проблемы.

Самобытность русской культуры не в ее панславянской задаче, но прежде всего в преодолении пространства — русская культурно-историческая модель уже своей географической и геополитической детерминированностью призвана осуществлять великий культурно-исторический синтез, быть уравнивающим, консолидирующим началом двух культурно-исторических векторов.

Не столько славянский, сколько туранский элемент играл существенную роль в формировании российской концепции культуры, как понимали ее евразийцы. Общекультурной переориентации на Запад способствовало лишь внутреннее расслоение евразийско-русской культуры («верхи»—«низь»). Исходную же, узловую роль всегда играл в ней туранский элемент⁸. Он стал характерной чертой русского этнопсихического сознания, ознаменовав собой присущий ей «материковый размах» («степь» как знаковый символ культуры, воплощающий в себе ценностную модель — «русскую широту»). Русская культура постоянно ощущала в себе эти старые кочевнические инстинкты. Они присутствовали даже в сложившихся типах личностной ориентации (тип «странника», «калик переходных», «вольных гулящих людишек» и т. п.).

Культурная матрица Евразии включала в себя целый ряд пластов, слоев — это и варяжский, и славянский, и византийский, и татарский элементы. Но доминирующим в ней оставался особый пространственный культурогенный фактор: «Через века и пространства осязается единство творческой стихии. И точки ее сгущения почти никак не совпадают с центром бытия. Не в Петербурге, не в древнестолечном Киеве, не даже в «матушке Москве», а в уединенной русской обители, у преподобного Сергия чувствуется напряжение русского народного и православного духа. Здесь издревле лежит средоточие культурного творчества. Культура не сосредоточивается не в городских центрах, это не «лесная» и не «речная» культура. Дух «степи» все время витает над ней», — писал Флоровский⁹.

Петровская эпоха сделала выбор: Запад с его романогерманской культурной доминантой. Однако попытки усвоить транспортируемые культурные ценности редко приводили к желаемому органичному результату — в русле культуры воспринимающей преобладали механическое перенимание и прямое заимствование. Не оправдали себя и славянофильские надежды на объединение славян. Славянский мир был слишком разнороден и обладал большим этнокультурным расслоением внутри собственного этноса. Извечная борьба латинства и православия, напряженность этого противостояния определялась слишком различной ценностной их ориентацией. Для Украины, к примеру, турки и татары несли сравнительно меньшую опасность, нежели поляки и ксёндзы с их политикой духовного закабаления и окатоличивания. Собственно говоря, пограничная зона между Россией-Евразией и Европой, пограничная зона «Восток—Запад», чаще

⁸ Трубецкой Н. К проблеме русского самосознания, с. 47.

Флоровский Г. О народах неисторических. «Исход к Востоку», с. 68.

всего проходила именно между русскими и славянами, вопреки утверждаемому славянофилами общеславянскому братству.

Здесь наметилась главная линия отхода евразийства от славянофильской идеологической традиции — не славянский мир, а мир туранский должен стать этно-географической средой нового социума. Туранский элемент играл существенную роль в евразийской концепции культуры. Его влияние, благоприятно сказавшееся на культурных элементах государственного и геополитического строительства, способствовало специфической интерпретации генеральной идеи евразийской культуры — православия. Культурная и национальная идея Москвы как наследницы Византии и оплота христианства в борьбе с восточным язычеством и западной еретической культурой выразилась в генеральной государственной концепции Московского государства: «Мы есть третий Рим, два Рима падоша, а четвертому не быть». К. Леонтьев, которого евразийцы считали своим непосредственным предшественником, так писал о византийских, восточных корнях русской культуры: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными началами, с нашим еще старым и грубым вначале славянским материалом. Изменяя даже в тайных помыслах наших этому византизму, мы погубим Россию»¹⁰

Россия и русская культура, унаследовавшая византийские культурные традиции, по своему духу представлялась как культура-наследница, осваивающая культурную традицию, когда центр возникновения ее уже угас. Это правопреемство, инвертированность культурного вектора в сторону культурного традиционализма как нельзя лучше совпадали с геотнической концепцией материковой стабильности и «срединноземной» устойчивости. Византийская культурная традиция организовала пространственную и временную плоскости русской культуры. Глубоко проникнув по всей социальной вертикали, дойдя до самых нижних слоев общества, традиции восточной византийской духовной культуры окрасили духовную и социальную жизнь русского общества в определенный тон, затронув самые глубины народной души. Церковная традиция, идущая от Византии, традиция заимствованная, но в отличие от позднейших петровских заимствований, она нашла свое подкрепление в самых нижних слоях культурного массива, опустив туда заимствованные ценности и сформулировав на них свою собственную культурную специфику.

Следующим важным культурным фактором, сыгравшим основополагающую роль в становлении русской государственности и ее территориального геополитического единства, оказалась, по теории евразийцев, восточная волна, идущая из Монголии. Подъем Русского государства с середины XV и до середины XVII века характеризовался подъемом Москвы в качестве преемницы и наследницы Золотой Орды — империи Чингис-хана. Он был связан прежде всего с утверждением гегемонии русских на всем протяжении волжского пути — главной водной артерии Евразии,— с колонизацией и присоединением Сибири.

Отмеченные евразийцами культурные особенности евразийской культуры как континентальной заставляли их искать истоки культурного единства России-Евразии не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии, и даже не в Руси Северо-Восточной. Идеологи евразийства очерчивали более широкую культурную зону, естественным образом совпадающую геополитически с расплывчатой границей на Востоке и постепенным переходом и размыванием этой геокультурной границы на Западе.

Именно империя Чингис-хана демонстрировала, очевидно, большую устойчивость и реальное единство Евразии. В этом коренится одна из причин трехсотлетнего господства монголов на территории материковой Евразии ни одно иго не могло быть трехсотлетним, стало быть, на протяжении этих нескольких столетий осуществлялся огромный и сложный этнокультурный и гео-

¹⁰ Леонтьев К. Собр. соч. Т. 5. М., 1912, с. 145. 52

политический синтез, приведший в итоге к мощному геополитическому взрыву созданию на территории Евразии территориального и государственного могущества Русского государства и позже Российской империи. «Прошлая разграничительная линия между русской и азиатско-языческой культурами исчезла: безболезненно и как-то незаметно границы русского государства почти совпали с границами монгольской империи»¹¹.

Рост и укрепление Российской империи завершают территориальное объединение Евразии. Этот период фиксирует включение Туркестана в состав России. Создается восточно-сибирская железная дорога, соединяющая всю территорию «континента-океана». Российская империя стала, таким образом, естественным геополитическим вектором, обеспечивающим большую устойчивость и реальное единство Евразии. Потому сопоставление России-Евразии с любым из конфедеративных государств Европы неправомерно по своей сути. Напрашивающиеся аналогии с такими крупными этногеографическими организмами, как империя Карла Великого, Римская империя и империя Наполеона, также складываются не в пользу последних — в каждом таком случае «имперский» стержень-вектор не совпадал с естественными геотерриториальными параметрами. Этот процесс формирования континентального геополитического пространства продолжался вплоть до революции и был насильственно ею прерван.

Европейской концепции «дуэли Запада и Востока» евразийская концепция противопоставляла модель «периферия-центр», «периферия-смежно-пограничные зоны». В укреплении и равновесии «срединной земли» мыслилась им историческая геополитическая задача России. Евразийская культура могла раскрыться только на своих собственных путях «особого мира» — разворачиваясь из срединной Средней Азии в приморские области Старого Света¹², стремясь к завершению такого большого континентального объединения. Это относилось к средневековой европейской ойкумене времен Золотой Орды. Но задача больших континентальных объединений — необходимость и сегодняшнего времени. Всякая стратегия фрагментарности работает на пользу морским державам в ущерб континентальным.

Россия-Евразия одновременно осознавала себя и центром материка, и его периферией, однаково ориентируясь на материковую изоляцию и материковую же интеграцию. В концепции «русской идеи» как особого этнокультурного феномена в его евразийской трактовке можно видеть новое решение проблемы «Запад—Восток» как «вселенское-национальное». Такой поворот мышления явно был направлен на преодоление раскола как в сознании, так и в социуме.

Евразийская мысль пыталась осмыслить выходы за пределы современной ей западноевропейской культуры. Это осмысление исходило прежде всего из предложенной ими новой историософской модели эволюционного развития культур и культурных типов. Евразийская концепция развития культуры основывалась на том, что временная разверстка культуры осуществляется не в линейном направлении, а по замкнутому циклу. Этот историософский пафос отрицания линейности развития тяготел к славянофильской концепции историко-культурных типов, разработанной, в частности, Н. Данилевским.

Понятия «эволюционной лестницы», «ступеней развития» с евразийской точки зрения — понятия глубоко эгоцентричные, поскольку предполагают, что все историческое многообразие культур различается лишь степенью развитости и вписанности в единый культурный процесс. При такой жестко однолинейной парадигме необходимо прежде всего найти начало и конец эволюционной лестницы. И прорвать такой образовавшийся замкнутый круг можно, только

¹¹Евразийство, с. 39.

¹²Бицилли П. <Восток> и <Запад> в истории Старого Света.<Евразийская хроника>. Вып. 2, Прага,1925, с.337.

руководствуясь совершенно венаучной и иррациональной установкой,— приняв на веру, что та или иная культура и есть начало или конец этой эволюции.

Именно такой однолинейный подход обосновал теорию европоцентризма, согласно которой все народы мира должны проходить непрременные и обязательные для всех ступеней исторического развития фазы и стадии. При этом совершенно не принималась во внимание аутентичная культурная самобытность той или иной культуры, сформированная не просто определенными культурными формами, но обусловленная тем или иным сложившимся типом мировоззрения, которое у каждого народа специфически неповторимое.

В романо-германском мышлении национальная культурная проблема преломляется сквозь призму однолинейного всемирно-исторического вектора. «Не пучком лучей и не связкой параллелей, а лишь одной-единственной направленной судьбы человечества как единого целого к осуществлению единой всеобщей задачи представляется временное развитие культуры этому мышлению»,— писал Флоровский¹³. Культуры по очереди, дополняя друг друга, идут к конечной цели, и последняя начинает осознавать себя призванной осуществлять и вечно сохранять свою верховную роль — таковой и видит себя романо-германская культура. Разгадка мировой тайны, стало быть, уже найдена, и тип искателей истины должен смениться типом распространителей культуры, точнее, исходно заданных ее культурных моделей. Картина будущего проецируется тем самым в прошедшее либо в форме предвечного замысла правящего Разума, либо в виде скрытых потенций сущего, но разворачивающихся во времени с имманентной необходимостью, либо в виде сознательно избранной воли, предопределяющей ей временное культурное пространство. Такая картина мира позволяет предполагать произвольно-волевое моделирование ее согласно исходно заданной идее и конкретной политической задаче.

Евразийская историософская точка зрения принципиально иная: симфоничность культуры составляет из иерархически организованного комплекса личностей (класс, сословие, семья, человек), сосуществующего как единая метакультурная целостность, генетически связанная с другим, предшествующим ему комплексом индивидуаций прошлого, организующих пространственно-временной культурный тип. В качестве сложного организма культура переживает определенные стадии своего развития, но не в рамках непрерывного и поступательного эволюционного ряда, а в кругу законченного (закрытого) культурного цикла.

Евразийская концепция культуры предполагала исследование не механических комбинаций культурных моделей, не поверхностное описание тех или иных культурных форм, но прежде всего раскрытие и понимание духовно-идеологических и ценностно-этнических основ культуры. Культура в их понимании — это всегда качественно иное мирозерцание. Чтобы понять глубинный метаязык культуры, необходимо за внешним фоном искать духовный стержень, мировоззренчески организующий те или иные культурные символы и атрибуты культуры. В любой культуре всегда господствует своя «идея-правительница», нормирующая те или иные модификации культуры и ее семантическую ценность в общем цивилизационном культурном ряду.

Любая культура всегда имеет свое собственное историческое культурное задание, вот почему линейный механистический подход не только неэтичен, но и неисторичен. Общая картина всемирно-исторического развития мировой цивилизации складывается из множества культурных заданий, возложенных историей на каждый отдельный культурный тип. Каждый такой этнокультурный тип имеет свою национальную идею. Евразийство формулирует этические, географические и теократические постулаты, обосновывающие национальную идею. Каждая культурная модель прежде всего идеологична. В истории России-Ев-

¹³ Флоровский Г. О народах неисторических, с. 54.

разии можно наблюдать несколько таких идеологических концепций, активно формирующих основные культурные постулаты целой культурно-исторической эпохи. Идея Москвы как «третьего Рима» сменяется идеей соборного имперского всеединства — «самодержавие, православие, народность». Причем во всякой такой новой идеологии,— следуя евразийской концепции пульсирующего культурного ритма, предполагающего определенную цикличность в развитии культуры,— всегда имеется близость со старыми и даже очень старыми идеологическими построениями.

Евразийская точка зрения на геополитическую модель культуры предполагала, что рождение всякой национальной культуры, одушевленной национальной идеей, происходит на почве религиозной, сопровождаемое мифом об этом явлении. Мифу же присуща такая «степень достоверности, которой не обладает никакая другая форма свидетельства об исторической реальности, ибо миф — это сама историческая реальность, символически выражающая непосредственное переживание некоторого «внешнего» или «внутреннего» опыта, выражающая Творчески, абсолютно наивно, без тени преднамеренности¹⁴.

Любая идея, претендующая на реальную силу воздействия, должна дать начало мифу и обычаю. Только в этой своей оболочке она является действительной и настоящей силой. Вот почему у идеологов евразийства не было огульного отрицания большевизма, а была попытка объективного анализа этой уродливой идеократии, добившейся тем не менее идеологического господства именно потому, что эта идея дала начало мифу и обычаю. Первое, что сделали большевики,— это сотворили миф о «пролетарской культуре» и стали активно формировать социальный институт нового пролетарского календаря и революционной обрядности.

Говорить вообще о ложности идей бессмысленно, так как всякая идея, заслуживающая этого названия, соответствует какому-нибудь внутреннему переживанию, и уже в этом смысле является реальностью. Миром правят идеи, утверждали евразийцы. Это в особенности относится к XX столетию, ибо современные общества имеют тенденцию организовываться по типу идеократических государств, чья политика и государственная структура определяются в первую очередь той или иной правящей идеей.

Евразийская геополитическая модель культуры поставила в центре своего внимания приоритеты, диктуемые особенностями пространственного расположения и исторической перспективы. Такой подход был принципиально новым в истории русской историософской мысли. При всей напряженности историософского пафоса, характерной для русской исторической и философской мысли на рубеже столетий, пространственные координаты и территориальные пределы исторических социокультурных моделей русской государственности оставались неисследованными. Невьясненным оставался вопрос и о географических геополитических границах и сферах нынешней и грядущей российской государственности. Евразийская геополитическая мысль заполнила этот пробел, создав свою оригинальную геополитическую доктрину. Теоретиками евразийства были откровенно и определенно сформулированы главные цели и задачи русской геополитики, обусловленные конкретной географической спецификой и историческими особенностями этапов становления российской государственности. Их идеи и концепции, бесспорно, вызывают самый противоречивый спектр оценок и мнений, в том числе и негативных. Однако не подлежит сомнению духовная самоценность их интеллектуального опыта.

¹⁴ Бицилли П. Нация и народ. «Современные записки». Вып. XXXVII. Париж, б/г, с. 351. Т.